

**АБСУРДНЫЙ ГЕРОЙ В АБСУРДНОМ МИРЕ ГОГОЛЯ И КАФКИ.
РОДСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Ишанова Е.В. Email: Ishanova637@scientifictext.ru**

*Ишанова Екатерина Владимировна – учитель русского языка и литературы,
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
Домодедовская средняя общеобразовательная школа № 10, г.о. Домодедово, Московская область*

Аннотация: в статье анализируются сходства и различия произведений Н.В. Гоголя и Ф. Кафки, акцент ставится на теме абсурда, являющейся одной из ключевых в произведениях данных авторов. В работе были выделены следующие сходства в произведениях авторов: содержание внутренней антитезы, конфликт отдельно взятой личности и окружающей среды, абсурдный человек оказывается в абсурдной ситуации, деформация человеческого сознания, наличие мифологического фона. Среди различий были выделены следующие: степень активности героя, модус художественности, окружение главного героя.

Ключевые слова: абсурд, герой, трагизм, антитеза, изменение сознания, комизм, обстоятельства.

**ABSURD CHARACTER IN THE ABSURD GOGOL AND KAFKA'S WORLD.
AFFINITY AND DIFFERENCE OF THEIR WORKS' ISSUE
Ishanova E.V.**

*Ishanova Ekaterina Vladimirovna - Russian Language and Literature Teacher,
MUNICIPAL AUTONOMIC GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTION
DOMODEDOVO COMPREHENSIVE SCHOOL № 10, DOMODEDOVO, MOSCOW REGION*

Abstract: the article analyzes the similarities and differences between N.V. Gogol and F. Kafka's works, the emphasis is on the issue of absurdity, which is the pivotal in their works. The following similarities were distinguished: the content of the inner antithesis, the conflict between the individual and the environment, the absurd person is in an absurd situation, the deformation of the human consciousness, the presence of a mythological background. Among the differences were highlighted the following: the degree of the hero's activity, the mode of artistry, the environment of the protagonist.

Keywords: absurdity, protagonist, character, tragedy, antithesis, change of consciousness, comic, circumstances.

УДК 331.225.3

Специфика абсурда соприродна художественному миру Кафки и Гоголя, она его непосредственный атрибут: «Тем и прекрасны кафкианский и гоголевский частные кошмары, что у героя и окружающих нелюдей мир общий, но герой пытается выбраться из него, сбросить маску, подняться над этим миром» [1, 64]. У Гоголя и Кафки абсурдный герой обитает в абсурдном мире, но трогательно и трагически бьется, пытаясь выбраться из него в мир человеческих существ - и умирает в отчаянии (речь идет о героях «Шинели» Гоголя и «Превращения» Кафки). В «Шинели» и в «Превращении» герой, наделенный определенной чувствительностью, окружен гротескными бессердечными персонажами, смешными или жуткими фигурами. В «Шинели» человеческое содержание героя иного рода, нежели у Грегора в «Превращении», но взывающая к состраданию человечность присуща обоим.

Нами были выделены сходства, которые присущи произведениям Гоголя и Кафки:

1) наличие в произведениях Кафки и Гоголя внутренней антитезы.

Оба произведения и «Нос», и «Превращение», содержат внутреннюю антитезу. Эффект от рассказов усиливается тем, что в нём присутствует противопоставление: у Гоголя сделан акцент на социальном факторе, поэтому большее внимание уделяется теме чина и человека, которые оказываются несовместимы. Чин словно бы заменяет и даже вымещает душу. У Кафки показано столкновение сознаний, которые тоже не могут сосуществовать в этом мире, соседствовать. Набоков охарактеризовал этот конфликт как противостояние гениальности и посредственности. Исходя из масштабов, заданных Кафкой, явление Грегора, действительно, является чем-то возвышенным, новым, смелым, дерзким, иным.

2) магистральный конфликт произведений.

Одним из центральных конфликтов становится конфликт отдельно взятой личности и окружающей его «вывихнутой» реалии; абсурдный человек оказывается в абсурдной ситуации. Особенную роль здесь играет тема «маленького человека». У Гоголя замечен слабый намёк возможной власти единицы над

целым. Ведь нос по своему социальному положению заведомо выше самого Ковалёва. Носу кланяются, с ним считаются. Одно слово «господин» уже многого стоит и ко многому обязывает. И сам нос, надо сказать, ведёт себя соответственно. Он знает своё положение и неплохо играет приписанную ему роль.

« - Ничего решительно не понимаю,- отвечал нос. — Изъяснитесь Удовлетворительнее.»

-Милостивый государь...- сказал Ковалёв с чувством собственного достоинства, - я не знаю, как понимать слова ваши.. .Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно.. .Или вы хотите.. .Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились» [2,42].

У Кафки же в условиях того, что слаженная система заведомо сильнее индивида, маленький человек перестаёт быть маленьким, являя редкую силу духа и гармонию души. В абсурдном, гнетущем, сводящем с ума мире - как все, что вышло из-под пера Франца Кафки, - Грегор не теряет своей сущности и остаётся самим собой - добрым, чувствительным, слабым и подверженным влияниям.

3) деформация человеческого сознания.

И в «Носе», и в «Превращении» мир показан системой, заостренной, изжившей себя и пока ещё не нашедшей новой формы применения. Если снять с произведения Гоголя комический пафос, то и в его элементах игры отчётливо виден весь трагизм человеческого удела. Ничто ложное не может быть вечным, а потому просто необходимо пристальное внимание к данности реалии, которая ужасает писателей и которая, в сущности, обречена. Суэта и повседневность примитивно обывательской среды вымещают из человека человека, - вот почему нам явлены две личины- нос и жук- две деформации человеческого сознания, несущие весть о том, что дальше хода нет и мир зашёл в тупик, где нет места ничему живому.

4) «анонимность сверхличных сил».

Следует обратить внимание еще на один момент с точки зрения типологической общности - полную немотивированность перемены. Обычно ее причиной или инициатором служил персонаж, воплощающий, как говорил Гофман, «злой принцип» [3,28]: черт, ведьма или лицо, вступившее с ними в связь, иначе говоря персонифицированное воплощение фантастики. Так было в некоторых из ранних повестей Гоголя, так было в его «Портрете», в первой обзывает. И сам нос, надо сказать, ведёт себя соответственно. Он знает своё положение и неплохо играет приписанную ему роль.

« - Ничего решительно не понимаю,- отвечал нос. — Изъяснитесь Удовлетворительнее.»

-Милостивый государь...-сказал Ковалёв с чувством собственного достоинства, - я не знаю, как понимать слова ваши.. .Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно.. .Или вы хотите.. .Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились» [2 ,42].

У Кафки же в условиях того, что слаженная система заведомо сильнее индивида, маленький человек перестаёт быть маленьким, являя редкую силу духа и гармонию души. В абсурдном, гнетущем, сводящем с ума мире - как все, что вышло из-под пера Франца Кафки, - Грегор не теряет своей сущности и остаётся самим собой - добрым, чувствительным, слабым и подверженным влияниям.

5) деформация человеческого сознания.

И в «Носе», и в «Превращении» мир показан системой, заостренной, изжившей себя и пока ещё не нашедшей новой формы применения. Если снять с произведения Гоголя комический пафос, то и в его элементах игры отчётливо виден весь трагизм человеческого удела. Ничто ложное не может быть вечным, а потому просто необходимо пристальное внимание к данности реалии, которая ужасает писателей и которая, в сущности, обречена. Суэта и повседневность примитивно обывательской среды вымещают из человека человека, - вот почему нам явлены две личины- нос и жук- две деформации человеческого сознания, несущие весть о том, что дальше хода нет и мир зашёл в тупик, где нет места ничему живому.

б) «анонимность сверхличных сил».

Следует обратить внимание еще на один момент с точки зрения типологической общности - полную немотивированность перемены. Обычно ее причиной или инициатором служил персонаж, воплощающий, как говорил Гофман, «злой принцип» [3,28]: черт, ведьма или лицо, вступившее с ними в связь, иначе говоря персонифицированное воплощение фантастики. Так было в некоторых из ранних повестей Гоголя, так было в его «Портрете», в первой редакции. Но не так - в повести «Нос», где сверхъестественный источник фантастики устранен. Угадывается только его след- на уровне стилистических оборотов, например, в комическом допущении майора Ковалева, что виновата Александра Подточина, пожелавшая женить его на своей дочери. Все это не находит подтверждения в повести, но сама фантастичность остается. Нетрудно увидеть, что именно благодаря этому создается эффект, который принято называть анонимностью сверхличных сил, и что именно в этом пункте произведение Кафки непосредственно продолжает гоголевское.

7) наличие мифологического фона.

Весомость всего происходящего в обеих повестях усилена и с помощью мифологического фона: и Ковалев, и Грегор Замза, а также К. в «Процессе» Кафки обнаруживают резкую перемену в своем положении утром, с пробуждением ото сна. «Метаморфоза — вестница ночи; изменение совершается во тьме и разоблачает свою тайну с рассветом, который приносит с собою рассеяние и облегчает создание нового» [4, 28]. Вместе с тем именно ночной сон делит временное протяжение человеческой жизни на отрезки — дни, недели, месяцы, годы...

Человек, не спавший ночь, не испытывает ощущения начала нового; наступивший день кажется ему продолжением предыдущего. У Кафки, как и у Гоголя, рубеж пробуждения приобретает еще более важную роль: с него начинается не только новый хронологический отрезок времени, но и новый строй взаимоотношений и связей, совершенно непохожий на все то, что было «вчера», начинается новая реальность — ирреальная реальность.

Исследуя способ организации художественного мира Гоголя и Кафки, приходим к выводу, что решение авторами проблемы человека в мире абсурда при внешнем сходстве имеет качественные различия:

1) степень активности героя.

Гоголевская тема распада человеческой личности на почве разрыва между телесным и духовным знаменует всё-таки слабое осознание Ковалёвым (повесть «Нос») наличия в нём духовных возможностей, несоизмеримых с его нынешним пошлым состоянием. Но если у Гоголя-метаморфоза дискредитирует героя социально, то у Кафки читатель становится свидетелем полного перевоплощения и изменения сознания героя. Гоголевский герой действует, желая вернуть себе прежний облик-статус; герой Кафки - не такой как все – констатирует «фундаментальность абсурдности мира и неумолимого величия человеческого удела» [5, 14].

2) модус художественности.

Гоголь трагическое преодолевает посредством комического: смеясь, читатель освобождается от абсурда пошлости; у Кафки трагический абсурд бытия – «ужас - становится священным», «голый среди одетых». Герой Кафки бросает отсвет на социум, который заслуживает приговора. Прикованный личной болью к трагедии жизни, Кафка острее других ощущает абсурдную компоненту бытия.

Взаимоотношения автора и героя вытекают из решения проблемы. Гоголь пытается выявить проблему через героя, высмеивая его, общество, саму ситуацию. Таким образом он хочет показать нам, насколько низко опустился человек, как всё окружающее его мелко и ничтожно. Другая ситуация у Кафки. Не стоит забывать, что произведения во многом автобиографичны. Но если у Гоголя это даёт повод лишь к выставлению в подобном свете проблемы чиновничества, с которым он был тесно связан и хорошо знаком по роду службы, то у Кафки это носит остро личностный характер. Он не может смеяться, потому что слишком остро стоят для него те вопросы, которые он затрагивает в «Превращении». Нам прекрасно известно его письмо к отцу, сложность их отношений Кафки и его родственников, которые, несомненно повлияли на него как на человека и писателя. Кафка не раз подчеркивал, что его одиночество, замкнутость, неуверенность - следствие взаимоотношений с отцом. Но не менее важной причиной такого состояния было требование от окружающего мира материнского отношения. Писатель мучительно переживал несоизмеримость своих требований с реальностью. Из постановки проблемы следует и модус художественности:

- комический у Гоголя;

- трагический у Кафки.

3) окружение главного героя.

Мир Гоголя перевернут: в нём беспрепятственно, наряду с обывателями, непричастными к духовности, сосуществуют не - люди, и эти античеловеческие силы вполне органично входят в общество и без труда находят себе место в его иерархическом строе.

«Как подойти к нему? - думал Ковалёв. - По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Чёрт его знает, как это сделать!» [2, 32]. Весьма значимо и то, что нос занимает более высокий пост, нежели сам Ковалёв, и у последнего потому возникает чувство страха и дискомфорта, в то время как человек заведомо стоит выше всего сущего. Вот и получается, что не личность творит свою жизнь и имеет власть над обстоятельствами, а они, эти обстоятельства, формируют и подавляют человека, утверждая тем самым своё превосходство. Телесность и вещественность вымещает всё настоящее и подлинное.

У Кафки же наблюдается процесс вытравливания носителя неординарного сознания. Если среди одинаково думающих людей появляется инакомыслящий, он обречён, ибо сознание подобной группы людей просто не допускает альтернативы своему мышлению.

Вывод: решение авторами проблемы человека в мире абсурда при сходствах: показана трагическая природа столкновения с миропорядком, показан конфликт отдельно взятой личности с окружающим миром, содержа! внутреннюю антитезу, имеют и качественные различия. Гоголь трагическое преодолевает посредством комического: смеясь, читатель освобождается от абсурда пошлости, у Кафки

же показан трагический абсурд бытия, у Гоголя метаморфоза дискредитирует героя социально, а у Кафки читатель становится свидетелем полного перевоплощения и изменения сознания героя.

Список литературы / References

1. *Манн Ю.* Сквозь видный миру смех. М., 1994. 470 с.
2. *Гоголь Н.* Петербургские повести. М., 2004. 315 с.
3. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М., 1996. 448 с.
4. *Абрахам Г., Брукс Р.* Пятьдесят великих романов. Челябинск, 1998. 360 с.
5. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М, 1990. 418 с.